

Известия - 1991-13 ию-
н. 1991 года 5

Индийский след Анны Павловой

— В холле гостиницы в Женеве к моему отцу подошла незнакомая белая женщина и спросила его: «Вы — бенгалец?» Когда она, получив утвердительный ответ, вышла из гостиницы, постояльцы спросили отца: «Вы ее знаете?» — «Нет, не знаю». — «Ну как же, это знаменитая Анна Павлова, русская балерина»...

Мой собеседник — профессор Гуно Мукерджи.

— Отец рассказывал об этом случае в гостинице с явным удовольствием, тем более что мимолетное знакомство переросло в дружбу, — продолжает Г. Мукерджи. — Свидетельства — несколько писем Анны Павловой, ее фотография с дарственной надписью и серебряный православный крест — хранятся как дорогие реликвии в нашей семье.

— Как вы думаете, почему между вашим отцом и русской балериной завязалась дружба?

— Насколько я знаю, Анна Павлова тянулась к людям искусства. Конечно, отец не был таковым, но он искренне любил музыку, балет. Вот на этой почве они и подружились.

Можно смело утверждать, что Индия — страна танца. Но для европейского взгляда индийский танец — малопонятный, слишком условный и символический. Анна Павлова смотрела на танец глазами профессиональной балерины. Она прекрасно понимала значение взаимного обогащения танцевальных школ, сколь бы разными они ни были. Балерина не просто ценила фольклорные танцы, она восхищалась ими. Вдохновенно исполняла она введенные в классические балетные постановки русские, польские, испанские, мексиканские, сирийские народные танцы.

Впервые в Индию Анна Павлова приехала в 1922 году. Тогда ей не повезло. В Калькутте, историческом центре Бенгалии, бывшей столице британской Индии, она смогли увидеть лишь маловыразительные, примитивные танцы. Зато Анну Павлову потрясли аджантиские фрески. Их она увидела на другом краю страны в буддийских монастырях, высеченных в скалах. Она загорелась идеей: создать балет на тему виденного в местечке Аджанта. Вернувшись в Лондон, где она постоянно жила, балерина

поделилась этой мыслью со своим балетмейстером. Балет «Аджантиские фрески» был поставлен. Однако русскому балетмейстеру, не только не видевшему фресок, поразивших Анну Павлову, но и ничего не знавшему об индийском танце, не удалось претворить в жизнь замысел Анны Павловой. Балет не спасло даже выдающееся мастерство балерины. Критика была не в восторге...

Но Анна Павлова была не из тех, кто легко отступает от задуманного. Ей запомнилось посещение индийской свадьбы, и она решила поставить балет на эту тему. По просьбе Анны Павловой индийский композитор К. Г. Банерджи написал музыку к балету «Индийская свадьба».

Неизвестно, как бы сложилась судьба балета, если бы Анна Павлова не познакомилась с выходцем из Бенгалии Удай Шанкаром. В Лондоне он учился живописи, но его страстью были танцы. Он и стал подлинным хореографом «Индийской свадьбы». Знакомство с Анной Павловой оказалось поворотным в судьбе Удай Шанкара. Вдохновленный искусством великой балерины, он пришел на балетную сцену. Вместе с Анной Павловой он не только поставил другой балет на индийскую тему — «Кришна и Радха», но и стал ее партнером в танцах.

...В первые послевоенные годы талантливый ученик и сподвижник Анны Павловой приехал со своей небольшой труппой в Москву. Он полагал, что его примут с распростертыми объятиями. Его никто не признал, ему даже не предоставили зала для выступления. «Если хотите, устраивайте концерт вашего танцора у себя в посольстве», — сказали наши чиновники от культуры индийскому послу в Москве. Посольство устроило вечер Удай Шанкара, который он посвятил Анне Павловой, разослало 100 приглашений, главным образом деятелям советской культуры. Пришли 40 — те, кому разрешили. Да, собственно, чему удивляться: Анна Павлова была не в чести у наших официальных культуртрегеров, которые видели в ней прежде всего эмигрантку, хотя из России она окончательно уехала еще до первой мировой войны.

Приехав вторично в Индию, Анна Павлова показала индийцам свои индийские балеты. Успех был огромным. Воодушевленная, она пишет Рабиндранату Тагору письмо, в котором просит предложить ей одну из его поэм для балетной постановки. Великий индийский писатель высылает ей свое произведение и приглашает приехать к нему, чтобы вместе превратить поэму в танец. Но дорога к Тагору из Калькутты в местечко Шанти-никетан («Обитель мира») была в то время долгой и трудной. Встреча так и не состоялась.

И теперь, шесть десятилетий спустя после смерти Анны Павловой, серьезные исследователи танцевального искусства Индии пишут о влиянии, которое оказала русская балерина на развитие индийского танца.

Н. ПАКЛИН,

соб. корр. «Известий».

ДЕЛИ.

981